

Анатолий Васильевич Хабаров родился в 1954 году в городе Воронеже. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал слесарем, инженером, радиожурналистом, начальником пионерского лагеря, руководителем пресс-службы ПО «Воронежсинтезкаучук», возглавлял предприятие «Левый берег». В 1990-е годы был учредителем и издателем первых воронежских частных газет «Левый берег», «Авось», журнала «Чернозем». Публиковался в региональных и федеральных СМИ. Автор четырех сборников прозы и поэзии. Лауреат и дипломант ряда творческих литературных конкурсов. Живет в Воронеже.

Анатолий Хабаров

ЛЕТО ЦВЕТА «КОРРИДА»

Рассказ

Моему внуку посвящаю

Солнечным сентябрьским днем десятилетний Вова Рябчиков хвастался за обедом деду, какое хорошее сочинение он написал сегодня на уроке литературы на тему «Как я провел лето».

— Накатал, дед, пять страниц: и как мы с папой и мамой чуть не заблудились в воронежской пустыне, и как я научился плавать в речке Хаве и кататься на подаренном тобой велосипеде, и как малиной объедался, и как мы с мамой помогали тебе в огороде. А ты какое лето запомнил больше всего?

Дед задумался. И правда, какое самое-самое яркое лето было в его долгой жизни?.. И сразу вспомнилось жгучее, пыльное, судьбоносное лето 1980 года. В «битве за урожай», как тогда величали уборочную страду, он трижды мог погибнуть. Но судьба оказалась благосклонной...

Смычка города с деревней

В 1980 году в Москве прошли XXII летние Олимпийские игры — впервые в государстве-лидере социалистического содружества — СССР. Увы, хорошее, как

всегда, быстро заканчивается, завершился и тот двухнедельный коммунизм. Под песню «До свиданья, Москва, до свиданья, олимпийская сказка, прощай...» над Центральным стадионом страны имени В.И. Ленина медленно поднялся в воздух медвежонок. По его умилительно-растроганной мордочке скатилось несколько скупых слезинок, он помахал лапкой и навсегда исчез в ночном московском небе...

Для деда Володи Рябчикова, Анатолия Жданова, тот день и тот високосный год тоже стали знаковыми, насыщенными памятными и действительно судьбоносными событиями.

Именно 3 августа 1980-го, когда закрывалась Московская Олимпиада, в далекой чертоземной деревне Матреновке Анатолий едва не погиб. А 31 декабря того же года он выехал из ворот воронежского торгового центра АвтоВАЗа на новой, очень дефицитной в те времена, личной автомашине «жигули» цвета «коррида»...

* * *

Заканчивалась вторая неделя «битвы за урожай». Так, напомним, пафосно на первых полосах газет именовалась тогда уборка зернобобовых (и не только) культур. И в этой «битве» воронежец Анатолий Жданов, как и шестеро его сотоварищей, принимал самое активное и непосредственное участие. Все они, дипломированные специалисты-инженеры, а по совместительству — трописторы-комбайнеры, были командированы из одного из многочисленных воронежских проектных институтов в колхоз «Родина». От работы Анатолий не бегал. Сказывались крестьянские корни и четвертый практический полевой сезон на просторах малой родины. В 1977 году в учебных классах гаража Воронежского завода синтетического каучука он с тридцатью такими же «призывниками» окончил профессионально-техническое училище. За несколько зимне-весенних месяцев их группа одолела двухгодичный теоретический курс для механизаторов широкого профиля по десяти предметам. Ребятам успели преподать даже агрохимию и экономику сельского хозяйства вкуче с обязательными ежедневными политзанятиями. Практика же состояла из проезда с инструктором вначале на гусеничном тракторе ДТ-75, а затем на стареньком комбайне СК-4: один круг по территории гаража.

Сдав выпускные экзамены по всем предметам и вождение на «хорошо», — при особо отмеченном в аттестате примерном поведении! — Анатолий получил диплом и права тракториста-машиниста третьего класса с двумя завитушечными, неразборчивыми и без расшифровки фамилий подписями. Так наряду с другими новоиспеченными механизаторами широкого профиля он начал претворять в жизнь очередное решение партии по смычке города и деревни. Ведь без нее, смычки, ясное дело, коммунизм советскому народу не построить.

Сельхозкарьеру Анатолий начал весной того же года простым сеяльщиком (ниже должности попросту не существовало), зато уже летом работал штурвальным на СК-4. Правда, штурвал-то у комбайна был, а вот кабина отсутствовала. Хорошо хоть брезентовый навес все-таки более-менее защищал от солнца. Но пыль, особенно при молотье скошенного гороха, проникая во все поры, покрывала комбинезон толстым спрессованным и потому совершенно не стряхиваемым слоем. Отхаркиваться от той пыли после окончания уборки приходилось еще недели две, но и стимулы в та-

ких командировках были очевидны и привлекательны. Платили неплохо: за тысячу центнеров намолота — порядка ста рублей. В среднем же за страду комбайнеры намолачивали по 4-5 тысяч центнеров. Плюс бесплатно выдавали двести килограммов пшеницы, которая стоила на рынке 40 копеек за кило. Да еще на основном месте работы полностью выплачивалась средняя зарплата: за уборочный месяц — 150–200 рублей в зависимости от должности и оклада. Ну и в-третьих, по справке из колхоза предоставлялись отгулы за переработки, которых набегало изрядно: за каждый день уборки — отгул (пахали-то от зари до зари). А в придачу осенью райисполком премировал дефицитным товаром — коврами, электротехникой, посудой и тому подобным. Так что мотивация — несомненна.

Анатолия Жданова, самого молодого из семи командированных, прикрепили к 45-летнему колхозному механизатору. Судя по татуировкам, на зоне тот побывал не раз. На безымянном пальце правой руки наколот перстень, на пальцах левой — цифры «1935». Невысокого роста, сухопарый, в движениях четок и экономен. Взгляд небольших серых глаз пронзителен, но порой смягчался, искрясь лукавством и придавая лицу насмешливую ироничность. Даже в жару — в рубашке с длинными рукавами и застегнутым воротником. Лицо, ладони и шея — темно-коричневые от загара. На голове бесформенная, непонятного цвета фуражка. Брюки заправлены в кирзовые сапоги. На отдыхе не ложился, любил сидеть на корточках.

— Иван, и на «ты», — коротко, не протягивая руки, представился он Анатолию. Тот удивился:

— Лет на двадцать старше, а выглядишь как дед.

— Поживешь с мое, посмотрим, каким будешь, — ухмыльнулся Иван, покосившись на цифры правого кулака.

На том знакомство и закончилось.

В течение следующей недели, пока готовили свой СК-5 с ласковым именем «Нива» к выходу в поле, Анатолий слышал от напарника лишь «здравствуй» да «до свиданья», а еще — «подай», «принеси», «подержи», «перекур». Местных расспрашивать о нем было неудобно, правда, кто-то из них обмолвился, что Ваня Чугунок — мужик непростой, себе на уме, дважды сидел (но никто не уточнял, за что). Чугунок — деревенское прозвище, от фамилии Чугунов. Жданов решил держаться от «металлиста» подальше, в душу не лезть, дружбы не искать — так учили старшие дворовые ребята относиться к вернувшимся из зоны. А таких в их дворе было немало, и вели они себя даже по отношению к бывшим товарищам-сверстникам холодно и с некоторым превосходством.

«Нива» того времени — образец нестареющей классической схемы зерноуборочного комбайна. Сто лошадей двигателя приводили его в движение через ходовую часть, гидравлику и механизмы приводов. Навесные жатка, подборщик, молотилка, клавишные соломотрясы, система очистки с вентилятором и копнитель с соломонабивателем режут, молотят, отделяют зерно от соломы, переправляя его в двухтонный бункер. И все это надо проверить, собрать воедино, смазать, заменить неисправное, обкатать на холостом ходу.

Как-то поутру, перед началом работы, на колхозный двор заглянул парторг «Родины». Он поинтересовался, как идет подготовка техники к уборке, рассказал новости, местные и по стране, спросил, есть ли вопросы. И тут неожиданно для всех Иван Чугунов выдал:

— А как партия может объяснить семь парадоксов социализма?

Присутствующие замерли, испытующе глядя то на парторга, то на Чугунка. Тот же, выдержав, точно по Станиславскому, паузу, продолжил:

— Работаем спустя рукава, а план выполняется. План выполняется, а ничего нет. Ничего нет, а холодильники у всех заполнены. В холодильниках полно, а все недовольны. Все недовольны, но никто не протестует. Никто не протестует, а тюрьмы не пустуют...

Неизвестно, чем закончился бы этот идеологический спор, но подъехавший председатель колхоза, не обращая внимания на полемику, с ходу объявил, что завтра техника выходит в поле. Хлеба дозрели. И все молча направились к комбайнам.

Речь напарника прозвучала для Жданова как гром зимой. Услышать от Чугунова столь развернутую антисоветскую тираду, а по сути, емкое и образное обобщение реалий жизни, он не просто не ожидал — даже предположить не мог. Да за подобные вопросыки, задай их Анатолий преподавателю, которому еще недавно сдавал историю КПСС, он в лучшем случае был бы моментально отчислен из университета и взят под надзор компетентных органов.

— Ну, Иван, не ожидал от тебя такой философии и смелости. Уважаю! — покачал головой Анатолий, когда они шли к своему комбайну.

— Работать надо, завтра в поле. А философию мою наши местные вожди как-нибудь переварят, — хмыкнул тот в ответ.

Крещение в Битюге

Утро 3 августа 1980 года начиналось вроде обычно. Правда, подъем был трудный: улеглись за полночь, потому что отбой задержало лечение от расстройства живота. Похоже, ужин пришелся не по вкусу, и каждый перед сном принял «микстуру»: без малого 150 граммов самогона с растворенной в нем столовой ложкой поваренной соли. Этот дедовский рецепт применил к подопечным старший их институтской группы Петр Болдырев. Почему самогон? Да кто ж не знает, что в те далекие уже времена развитого социализма во время «битвы за урожай» продажа спиртного в магазинах сельпо была категорически запрещена. Вот и пришлось обращаться к хозяйке, у которой квартировали, за помощью. «Ядерное лекарство» сработало. Утром от диареи не осталось и следа.

Разместились воронежцы на окраине села в большом деревянном доме-пятистенке с сенцами. Хозяйка, бабушка Настя, старушка лет восьмидесяти, жила одна. В ее сухощавой невысокой фигурке поражали темно-коричневые руки: морщинистые, с вздутыми венами и крупными короткими пальцами. Ясные синие глаза омолаживали лицо, излучая доброту и покой. Ее муж давно умер, дети разъехались. Из скотины она держала только кур. Окна дома выходили на юго-восток. Прямо за выгоном начинались поля, радуя взгляд ярко-желтыми кругляшами подсолнухов.

Умывшись и попив крепкого чая, новоявленные матреновцы были доставлены к шести часам автобусом на поле для уборки пшеницы. Там их уже ждали комбайны, на которых предстояло работать помощниками местных механизаторов. Смазка солидолом из шприцов через тавотницы, находившиеся в тридцати самых труднодоступных местах, всех трущихся и вертящихся деталей девятитонного СК-5 заняла около часа. Роса уже спала, и прозвучала команда агронома:

— Попылили!

Могучий рык стосильных двигателей разорвал тишину, и воздух наполнился густыми клубами черного солярочного выхлопного газа.

В этот день пшеницу убирали напрямую. Это — высший пилотаж. Только смотри да смотри: и вперед, и назад, и по сторонам, чтобы шестиметровая жатка срезала стебли на нужной высоте, не делала огрехов, не ходила впустую, подборщик не засорялся, успевая протолкнуть скошенное в зев комбайна. И чтобы копнитель не набивался под завяз, вовремя освобождаясь от соломы, а колосья обмолачивались полностью, плюс зерно не уходило в солому, а половина не попадала в бункер. Одним словом, клювом щелкать некогда.

Первый двухтонный бункер «Нивы» обычно намолачивали сами местные комбайнеры. Затем, когда приходила машина с завтраком, на поле наступала получасовая тишина. Завтракали плотно. Большая горка вермишелевого или гречневого гарнира в алюминиевой чашке с четверть ведра и обязательным ломтем мяса в городе могла бы насытить двух-трех мужиков, но здесь, на свежем воздухе и при постоянном физическом напряжении, килокалории улетучивались быстро. После завтрака отцы-командиры шли в тень тополиных посадок, отделявших одно поле от другого, накапливать, как они выражались, трудовой порыв. За штурвалы же — напротив, утрясать съеденное — садились их дипломированные заместители.

Менялись примерно часа через два работы. В течение дня городские успевали добрать недоспанное и даже пообщаться и между собой, и с местными. Но если случались поломки — уже не до отдыха. Комбайнеры сломанной техники вместе с бригадой ремонтников, сопровождавшей мехотряд с укомплектованной запчастями, инструментом и оборудовани-ем «летучкой», пахали, как пчелки. Одно слово — страда...

После обеда переехали на соседнее поле. Намолотив первый бункер, Чугунов передал штурвал Жданову:

— Толь, у меня неотложное дело дома. Сегодня доработаешь без меня, а завтра дам тебе полдня передохнуть. Будь повнимательней.

С тем и уехал на пятитонном зилловском самосвале с намолоченной пшеницей.

Веретеном мелькали лопасти жатки, срезанные золотистые стебли пшеницы подхватывались пальцами барабана и транспортером подавались в молотилку. Оттуда обмолоченная масса проходила через соломотрясы: солома верхом отправлялась в копнитель, зерно отсеивалось через решетки вниз и винтовым шнеком подавалось в бункер.

Комбайн вибрировал и громыхал своими многочисленными внутренностями. Анатолию казалось, что он, как персонаж кукольного театра, весь состоит из шарниров, а руки, ноги, шея, спина управляются невидимыми живыми нитями. И каким-то непостижимым образом мозг успевал все замечать, подмечать и подавать телу нужные команды.

Часа в три пополудни Анатолий выехал из уборочного круга и остановил комбайн на краю поля метров за пять от тридцатиметрового крутого склона. Склон заканчивался нешироким лугом и обрывистым, метра полтора высотой, берегом одного из рукавов реки Битюг.

Выйдя из кабины, Толя замахал руками, чтобы привлечь внимание водителя свободной машины для разгрузки заполненного бункера. Одна из них двинулась в его сторону.

Парень перевел взгляд на медленно ползущую на противоположном конце поля, будто майские жуки, комбайны. Копны соломы, как огромные точки, прерывали широкие строчки-колеи, оставляемые техникой на стерне. Воздух плыл и дрожал и от жара двигателя, и от палящего зноя; насыщенный пылью и удушливой духотой, он туманил сознание.

«Маревоварево... — промелькнуло в голове у Жданова. — Вот бы сейчас с разбега — в речку да откисать...»

Вдали на левом берегу реки веером улиц и переулков рассыпались домики Матреновки. В центре села виднелась церковь Вознесения. И вдруг по краям оно оставалось чуть голубым — парил орел. Именно орел, а не ястреб или коршун, которых Анатолий наблюдал здесь уже не раз. Широкий размах распластанных в полете крыльев поражал. Кажется, это орел-могильник, чучело которого он давно, еще школьником, видел на экскурсии в музее Графского заповедника. Но там орел сидел на ветке со сложенными крыльями, а здесь, у живого, Анатолий насчитал по девять перьев-зазубрин на каждом крыле.

И, заглядевшись на птицу, он не сразу осознал грозящую опасность: комбайн начал задом сползать к обрыву. Заскочив в кабину, Анатолий машинально стал давить на педаль тормоза, но та свободно проваливалась до пола. Вспомнив, что тормоза отсутствуют, он гидравликой прижал жатку к земле. Движение комбайна замедлилось, но он все равно продолжал приближаться к обрыву. Мысль, что нужно заглушить двигатель, сработала почти одновременно с правой рукой, сбросившей газ. Стало непривычно тихо, но комбайн, даже на нейтральной скорости, неумолимо двигался. Коробка передач в качестве тормоза не сработала, а при заглушенном дизеле не работала и гидравлика, так что включить скорость было уже нельзя.

Оторвавшись от земли, повисла в воздухе жатка, и комбайн, подпрыгивая на ребристых кочках, устремился вниз. Где-то на середине склона жатка, не выдержав тряски, отвалилась.

Испуга не было. Как и мысли выскочить из кабины. Когда жатка оторвалась и скорость стала нарастать, Анатолий все же сообразил, что на прибрежном лужке комбайн можно отвернуть от реки, что он и попытался сделать. Но двигатель-то вместе с гидравликой не работал, а без нее «Нива» неуправляема: руль не скрутишь. И, пролетев через луг, одиннадцатитонная (девять своих плюс две — в бункере) махина завалилась в речку, перегородив ее почти наполовину. Наступившую тишину нарушало теперь лишь ласковое журчание воды, обтекавшей глыбу комбайна, чьи передние полутораметровые колеса торчали из реки всего на треть. Забравшись на бункер, Анатолий посмотрел вверх. У края бугра замерла одинокая фигурка водителя грузовика. В небе продолжал парить все тот же орел.

Анатолий вышел на берег и закурил. Вскоре подъехал водитель, видевший его смертельный слалом.

— Я думал, тебе конец, парень! Как не перевернулся — просто чудо. Наверно, полный бункер сработал противовесом. Я б на твоём месте выпрыгнул. Если б комбайн начало крутить, кабину сплющило бы, а от тебя осталось мокрое место. Третьего дня в соседнем селе почти вот так же парня придавило насмерть. А ты счастливчик, принял крещение в Битюге... Ладно, не горюй, главное — жив-здоров, а остальное поправимо. Комбайн вроде цел, жатку соберете — «и вновь продолжается бой»...

Только теперь Жданов стал понемногу осознавать случившееся.

Минут через двадцать после обсуждения ЧП и предстоящих действий свободные от жатвы мужики начали вызволять комбайн из «купели». Анатолий ведрами вычерпывал из бункера зерно, которое передавалось по цепочке и сыпалось в машину. Едва успев утереть пот после опустошения бункера, приступили к срыву берегового склона, а иначе «Ниву» не вытащить. Часа за два, перелопатив куба три земли, Анатолий подцепил к комбайну тросы, и два ДТ-75 попытались вытянуть его на берег. Безуспешно. Силенок не хватало.

Тут-то и появился главный инженер колхоза. Не разбираясь и ни о чем не спрашивая, он с матюками накинудся на Жданова. Недослушав брань, Анатолий зло рыкнул:

— Да мы с напарником сколько раз просили тормозной шланг, а вы третий день все везете! Или неправда?!

Главный инженер, здорово похожий на Урфина Джюса из сказки про Изумрудный город — с такими же грубыми чертами лица и крупным квадратным носом, — осекся и, что-то пробурчав, послал водителя за К-700 — могучим «Кировцем», пахавшим неподалеку.

К девяти вечера Анатолий привел комбайн своим ходом на колхозный двор. Здесь была уже и жатка, привезенная на машине. Поставив комбайн рядом с ней у задних ворот мастерских, Толя осмотрел его со всех сторон: из внешних серьезных повреждений (кроме, понятно, жатки) — смятые боковины копнителя.

«Максимум два дня, и мы снова в поле, — подумал он. — Главное — Ивану все объяснить. Ну да ладно. Утро вечера мудренее».

Невезуха продолжается

Когда на следующее утро Жданов появился в мастерских, его напарник уже хлопотал у жатки. Часам к десяти молча они повесили отремонтированную жатку на комбайн. Запустили. Работает как часы.

— Ну, расскажи, как это вышло вчера? — спросил наконец Иван во время перекура.

Анатолий без особых подробностей передал суть произошедшего. Напарник дернул плечом:

— Ты давай-ка не расслабляйся, тут тебе не чертежи в институте рисовать. Гляди в оба, а главное — думать надо.

К полудню Анатолий кувалдой — Иван показывал, куда бить, — выправил вмятины на копнителе.

В обед колхозный двор опустел, и Жданов решил сам, без Чугунова, устранить еще один мешавший нормальной работе дефект. На трубопроводе, подающем солярку, образовался небольшой свищ, и пыль окутала влажный от солярки двигатель плотным слоем. Тот перегревался, требовал остановки для охлаждения — потеря времени и намолота.

Найдя свищ, Жданов попытался его заварить. Электрод прилипал к медной трубке, искрил, но электродуга не зажигалась. Откинув защитную маску, Анатолий увидел, что пропитанная соляркой спрессованная пыль воспламенилась. Попытался выгрести ее ладонью, но загорелся рукав рубашки. Сбив пламя, Анатолий бросился к висевшему рядом с кабиной огнетушителю; сорвав пломбу и откинув ручку предохранителя, стукнул его об пол — но, чуть пшикнув, огнетушитель смолк. Тогда парень схватил ведро и собрался бежать к колодцу, но вовремя вспомнил,

что к лесенке комбайна прикреплен другой огнетушитель. К счастью, этот сработал как надо. Разгорающееся пламя погасил вмиг, только вот двигатель скрылся под желтой вонючей пеной.

Прекрасно понимая, что в теперь-то Чугунок не отмолчится, Анатолий поспешил за водой. И к концу обеденного перерыва движок сиял, как новенький, а пустые огнетушители висели на прежних местах.

На удивленный взгляд напарника Жданов пояснил, что почистил воздухозаборник и помыл двигатель — чего, мол, зря терять драгоценное время.

— Вот только хомут не успел поставить на свищ, — добавил он.

Хомут Иван поставил сам. Правда, увидев следы от сварки на трубке, хмыкнул.

К пяти вечера комбайн был восстановлен, и Чугунов решил проверить копнитель. Встав позади работавшей «Нивы», махнул рукой:

— Давай!

Анатолий, сидя в кабине, отжал ручку управления копнителем, и его обрешетка откинулась вверх.

— Опускай!..

Толя рванул ручку на себя, но копнитель не закрылся. Иван хотел дернуть за обрешетку, но в этот момент трубчатые пальцы резко пошли вниз, и один — прямо на голову Ивана, который рухнул как подкошенный. Глаза закрыты, рядом валяется сбитая кепка, сквозь волосы выступила кровь.

— Иван Александрович! Иван Александрович! — затряс его за плечо Анатолий.

Чугунов открыл глаза и, увидев перепуганное лицо напарника, еще с минуту приходил в себя. И вдруг, резко вскочив, схватил гаечный ключ (36x41) и бросился на Жданова. От первого удара тот увернулся, но следом получил вскользь по плечу и кинулся в мастерскую, к людям. Там никого не было, и Анатолий чертометом понесся к селу, однако метров через триста, увидев, что погони нет, остановился: «А при чем тут я?.. Перекурю, да и пойду обратно».

Вернувшись минут через десять, увидел умывающегося Ивана. Тот буркнул:

— Смажь мне башку йодом. Да смотри — молчок, а то еще пришьют 206-ю — и загремишь по хулиганке.

Трудный разговор

Через несколько дней после всех этих неприятностей вечером к Анатолию подошел их старший по институту Петр Болдырев.

— А ты в курсе, что у вас самый низкий намолот?

— Так мы ж простояли день!

— Даже с учетом простоя мало. И дело не в этом. Я заметил, что к вам под погрузку одна и та же машина становится, и наверняка не каждый намолот она довозит до колхозного тока, тем более, когда с ней уезжает твой напарник. Кстати, о нем нехорошая слава идет. Ты посчитай, сколько за день намолотили, а после узнай, сколько вам записали на зерноток.

Спустя сутки как не хотелось Анатолию, но пришлось в пересменку начать трудный разговор.

— Иван Александрович, а ты знаешь, что не все наше зерно доходит до элеватора.

— Кто сказал? — напрягся Чугунов.

— Я сам вчера посчитал, сколько намолотили и сколько записали. За день двух бункеров не хватает, и именно тех, с которыми поехал ты.

— Да ты, смотрю, опер... — процедил напарник. — И что дальше? Жаловаться побежишь?

— Что дальше? Прекрати химичить! Или снова туда захотел? Ты ведь и у меня зарплату ворует! Не дело так со своими!

— Какой ты мне свой?! Чуть не грохнул этот «свой»!

Чугунок устался на парня злым взглядом, и тот отвел глаза. Напарник же выдавил:

— Ладно, получишь свою компенсацию... Но помалкивай!

— Нет уж, Иван Александрович, увольте, в подельники не пойду.

— Уговаривать не буду. Но коли кому скажешь, язык вырву. Может, думаешь, один я такой? Наверху покруче ворочают, а мы за копейки с утра до ночи горбатимся, но живем сам видишь, как... Ты вражьи голоса по приемнику послушай, они занятно про нашу житуху толкуют, в газетах такое не прочтешь. Да знаешь ли ты, что мы в бо-о-ольшой заднице?! Себя прокормить не в силах, а тут еще из-за ввода войск в Афганистан американцы перестали нам зерно продавать. Дожили, своего в достатке вырастить не можем, а туда же: «Уря! Уря новой Конституции развитого социализма». Щеки надуваем, Олимпийские игры проводим, коммунизм в отдельной деревне устроили, спортсменам все по потребности, а в глубинке бесхозяйственность кругом, молодежь из села бежит... Закупки заграничного мяса, рыбы, масла, сахара, зерна по деньгам выросли аж в десять раз. Нам «целину» брежневскую расхваливают, а посевы в России уменьшились на 22 миллиона га. Смех и грех! В анекдотах в открытую смеемся над властью...

Чугунок глубоко затынулся. Поперхнувшись дымом, откашлялся. Взгляд, чуть было заискрившийся юморком, стал опять гаснуть — так пепел обволакивает угли потухающего костра.

— Послушай-ка еще. Отца в начале 30-х выбрали председателем колхоза. Через год посадили — не выполнил план по хлебозаготовкам. В последний день, когда ему освободиться, мама поехала встречать, а ей сообщают, что вчера умер. Какое там умер — убили... Отец крепкий был и, как мама рассказывала, правдоискатель. Осталось нас трое детей. Сестры — Нюрка да Татьяна, десяти и семи, и я младенец. Мама в колхозе работала стряпухой. В тот страшный год по 100 грамм на трудодень выдавали. За год 15 кг ржи заработала. Несет мешок, а сама горько плачет. Я в окошке стою от голода пухлый. Спасал огород да подножный корм. Из лебеды и крапивы суп варили. А за колоски объездчик бил кнутом. Запашут, но собирать не смей. В школу сестры только зимой ходили, в лаптях и шерстяных носках. Это даже я помню. Сугробы до крыш наметало, иной раз приходилось откапываться — не зря входная дверь внутрь открывалась. С двенадцати лет с весны Нюрка дважды в неделю ходила за 7 км в райцентр продавать картошку. По ведерку — больше не донесет. Каждый выживал, как мог. Бывало, и грабили по дорогам, и убивали. А уж про обман и говорить нечего. Раз сестру какая-то баба обманула на базаре с крахмалом. За сколько-то стаканов заплатила, а за два не доплатила. Нюрка волнуется: «Высыпай обратно». Тетка высыпать не стала, бросила деньги и ушла. Сестра в слезы, в крик, но никто не заступил.

ся. Пришла домой, маме жалуется: «Не плачь, доченька, война, народ ожесточился...» Или случай, когда сосед-объездчик загнал в реку девчущку, которая с подружками собирала по стерне оставшиеся после жатвы колоски. Чуть не утонула... Во время войны ее в декабре 42-го послали окопы рыть. Сорокаградусный мороз, а она в лаптях и носках. Домой привезли с обмороженными ногами, так всю жизнь с ними и промучилась... А как Сталин крестьян налогами душил! Овец нет, но шерсть сдай, скотины нет, а за мясозаготовку отчитайся. И чуть что, даже старух в тюрьму. Сады порубили, чтоб не платить с корня. Лампы керосиновые только в середине шестидесятых на потолки попрятали, когда электричество провели. Соломенные крыши железом недавно перекрыли... А паспорта? В тридцать втором городским выдали, а деревенским начали давать только с семьдесят шестого. А без паспорта никуда. Закрепостили! Вот народ и говорит: «Когда от многого берется — это не воровство, а дележка». Деревенские тоже жить хотят, не все одному городу. Делиться надо по справедливости...

Иван замолчал. Потом сплюнул и молча пошел к комбайну.

Анатолий же опешил от неожиданной откровенности и многословия напарника. Пока Чугунов работал, он переваривал услышанное и думал о том, что во многом напарник прав, но ведь если не дать воровству укорот, так недолго и всю страну растащить.

Отъезд

В свой последний день в Матреновке воронежцы встали позже. Котора открывалась в восемь, раньше все равно не рассчитают. Да и автобус из Воронежа должен приехать часам к двенадцати.

Ребята приблизительно уже знали, кто сколько получит на руки. Жданову причиталось двести семьдесят восемь рублей. Их с Чугунком намолот составил около трех тысяч тонн зерна — меньше, чем у кого-либо. И все-таки для него это была первая сумма больше двухсот рублей, которую он заработал на уборке за неполный месяц.

Расписавшись в ведомости и отойдя от кассы, Анатолий пересчитал деньги, и... вышло на двести рублей больше. Пересчитал еще раз — то же самое. Иван, увидев на лице напарника удивление, усмехнулся:

— В чем дело?

— Да вот, на двести рублей больше дали.

— Тише, никому не говори, это твоя премия. Считаю, заслужил, справедливость восторжествовала. А с кассиром разберусь.

Чугунов покосился на Анатолия:

— Твои дружки пошли на ток зерно в мешки насыпать, догоняй! Да не забудьте свои подписать, чтоб в Воронеже не путаться, где чей. Это тебе не сто грамм ржи за трудовень, а по десять килограмм за двадцать дней. Два центнера отборной пшеницы.

Пока насыпали зерно, Жданов не на шутку испереживался. Он так и не понял, то ли ошибся кассир и вместо четырех полусотенных купюр выдал сотенные, то ли это обещанная Иваном «компенсация». Если ошибка — кассиру придется возмещать из своего кармана, а у старика зарплата — дай бог, рублей восемьдесят. Ну а если «компенсация» — то за ворованное зерно. Ни первое, ни второе Жданова не устраивало.

Упаковав мешки с зерном, прикомандированные направились к дому, где квартировали; Анатолий же побежал к правлению, крикнув своим,

что скоро будет. Успел вовремя. Кассир, опираясь на клюку, спускался с крыльца. Достав две зелененькие хрустящие бумажки с портретом Владимира Ильича Ленина по сто рублей каждая, Анатолий протянул их старику:

— Вы мне передали двести рублей лишних.

Тот пристально посмотрел на парня и, молча взяв деньги, прихрамывая, вернулся в правление.

Через час он появился у дома командировочных. В сумке принес две бутылки водки и закуски. А еще — одну на всю группу городских механизаторов ВФ «Гипрокаучук» — Почетную грамоту «За активное участие в уборке урожая в колхозе “Родина”».

Пока прибыл автобус, Анатолий еще дважды бегал в магазин (водочный отдел возобновил работу). По дороге воронежцы возбужденно вспоминали прошедшее горячее — в прямом и переносном смысле — жаркое — олимпийское лето-80, проведенное ими в Матреновке.

Завидный жених

Сегодня уж и не узнаешь, кто и как там, «наверху», принимал решение, но именно в 1980 году проектному институту для поощрения механизаторов, принявших участие в «битве за урожай», были впервые за пять лет сельхозкомандировок выделены два легковых автомобиля: ВАЗ-2101 — «жигули» первой модели — и ВАЗ-2121 — внедорожник «Нива», который стали выпускать только два года назад на заводе в Тольятти. Правда, выделены не бесплатно, а за свои «кровные», но и то хорошо: при дефиците, который был в стране практически во всем, получить талон на автомобиль — уже счастье. Руководство же попросило семерых участников уборки написать заявления, кому какая нужна машина.

Жданов, понимая, что он и на сельхозработы ездил меньше других, и в институте его стаж невелик, узнав от товарищей, что на дорогую «Ниву» не претендует никто, написал заявление именно на нее. Рассуждал просто. Если обменять «Ниву», которая пользовалась спросом у охотников и рыболовов, в областном управлении торговли на другую марку авто не удастся, то он либо откажется от покупки, либо, заняв денег, купит ее и перепродает дороже госцене. У него и родителей в наличии только три тысячи рублей, и даже на «жигули» первой модели, стоившей пять с половиной тысяч, пришлось бы занимать. А уж про десяти тысячную «Ниву» и говорить нечего.

Дождавшись, когда ходатайство на него от руководства института было направлено в облторг, Анатолий поехал туда. Руководителя на месте не оказалось, и его принял заместитель. Узнав, в чем дело, заместитель дал Жданову лист бумаги и продиктовал, на кого и как написать. Правда, сразу предупредил, что «копеек» — «жигулей» первой модели — нет, обменять «Ниву» можно только на двойку-универсал, стоимость которой семь тысяч рублей. А еще, узнав, где работает Анатолий, попросил достать сырой резины для вулканизации проколотых автомобильных камер. Прощальное рукопожатие закрепило договоренность.

И 31 декабря 1980 года Анатолий Жданов вместе с двумя товарищами, имевшими права, а главное — опыт вождения, пригнал на стоянку расположенного рядом с его домом гаражно-строительного кооператива «Энергетик» свою «ласточку», ВАЗ-2102, согласно техпаспорту — цвета «коррида». «Как восходящее солнышко», — подумал, когда прочитал это слово.

А 5 января, после новогодних праздников, Анатолий прибыл на работу на личном — что в те времена было редкостью — автомобиле. Девушки тотчас начали рассматривать новоиспеченного автовладельца в качестве потенциального жениха, однако чаяния некоторых из них не успели реализоваться. Жданов перешел на другую работу, а с сельским хозяйством, как говорится, вообще завязал.

Деньги же, занятые у родственников, Толя вернул в течение года, таксуя вечерами, а иногда даже и ночами, на своей ласточке.

* * *

Вернувшись с прогулки Вове Анатолий Жданов дополнил свой рассказ такими словами:

— Конечно, у каждого человека своя судьба, но все же он сам кузнец собственного счастья.

Улыбнулся:

— Я и твою бабушку Марину новеньким автомобилем цвета «коррида» привлек. И на свадьбу нашу через год с небольшим поехали на той машине с обручальными кольцами на крыше. А между прочим, учти, что без нас с бабушкой не было бы на свете твоей мамы, ну а без твоих мамы и папы не было тебя.

Вот таким, внучек, стало самое яркое мое лето 80-го года прошлого века.

Олимпийское лето цвета «коррида»...

